

Огромный нож словно веер сложился в щит, отразив очередную волну враждебных чар. Цинь Бучжоу резким движением обратного хвата полоснул воздух, рассекая надвое последнюю противницу — прелестную девушку с лисьими ушами. Путь, прежде перегороженный барьером нечисти, наконец открылся. Густая фиолетовая кровь брызнула на него, но он превратил нож в зонц, отгородив себя от брызг, и лишь несколько капель упало на подол его одежды. Его взгляд, распаленный резней, казался пронзительным, однако в глубине плескалось почти ледяное спокойствие.

Он не был сентиментальным святошей вроде прежнего владельца тела, который предъявлял непомерные требования к себе, но мог оставить врагу жизнь из нелепых соображений вроде «кто знает, добрые они или злые». Если ценой жизнью и доброго имени немногих можно обеспечить выживание большинства, то какая разница, что их станут проклинать и ненавидеть абсолютно все? Таково было изначальное кредо Сил самообороны.

Еще до появления в этом мире на руках Цинь Бучжоу была кровь бесчисленных созданий, но среди них не нашлось ни единого невинного. Пусть он и был эгоистичен, а сердце его оставалось холодным, никто не понимал истинного предназначения Укротителей демонов лучше него, прошедшего сквозь всё это с грузом жизней павших соратников и их предсмертных завещаний на плечах.

В ушах раздался подзабытый электрический треск. Цинь Бучжоу убрал зонц и закрыл глаза, падая сквозь рассекаемый ветром воздух.

[Дзинь! Побочное задание хоста выполнено, очков достаточно, система обновляется и обслуживается. Пожалуйста, хост, продолжай в том же духе (o▽o)]

В двух метрах от земли Цинь Бучжоу открыл глаза и, приложив легкое усилие, перевернулся, распахивая дверцу медленно едущего автомобиля, чтобы нырнуть внутрь салона.

Сунь Цзитун был настолько потрясен, что лишился дар речи, и опомнился лишь после долгого замешательства. Машина въехала на территорию коттеджного поселка, у проходной мелькнула карта жильца, и авто снова тронулось с места. Сунь Цзитун взволнованно обернулся: — Старший соратник, ты только что был просто невероятно крут!

Цинь Бучжоу приподнял бровь: — Естественно.

Сунь Цзитун и помыслить не мог, что однажды ему удастся невредимым выбраться из окружения полутора десятков демонов — пусть даже полукровных. Он уже мысленно смирился с тяжелыми ранениями или даже героической гибелью. Тот же, кто разрешил все проблемы, отделался лишь легкими разрывами на одежде и беспорядком в волосах. Ран на его теле оказалось немало, но все они были пустяковыми, поверхностными.

Цинь Бучжоу окинул взглядом порезы на груди, поясе, руках и бедрах, остановив кровь потоком духовной энергии, и на этом успокоился. Ускорять заживление за счет ци он не собирался: при всей внешней легкости после недавней схватки его резервы истощились, и

духовной энергии почти не осталось.

Откинувшись на спинку сиденья и слегка нахмурившись, он задумчиво произнес: — Тебе не кажется, что эта группа нападавших была слишком уж наигранной?

Сунь Цзитун удивленно заморгал: — Почему это?

Хоть все они были отборными убийцами, но состояли из полукровок-лисиц да цветочных духов, к тому же численно не имели никаких шансов на сокрушительную победу. Словно они нарочно явились на верную смерть, лишь бы успокоить нашу бдительность. Интуиция никогда не подводила Цинь Бучжоу, но уловить, что именно здесь было не так, он пока не мог.

Сунь Цзитун поразмыслил и заметил: — Старший соратник, ты слишком всё усложняешь. Возможно, противник просто недооценил твою силу, а этот налет затевался лишь ради того, чтобы тяжело ранить тебя и хоть немного выпустить пар.

Однако до сих пор все планы человека, стоявшего за кулисами, отличались безупречной надежностью... Не окажись Цинь Бучжоу в этом мире.

Столь прямолинейный и грубый подход совершенно не вязался с привычным стилем врага.

Добравшись до дома Цинь Бучжоу, Сунь Цзитун попрощался с ним и вместе с напарником отбыл, напоследок настоятельно посоветовав пореже покидать жилище — противник вряд ли оставит попытки довести дело до конца. Цинь Бучжоу кивнул, отпер калитку и вошел в особняк.

Стоило ему захлопнуть дверь и ступить за порог прихожей, как на него обрушилась волна аромата, способного проникнуть в самые потаенные глубины человеческой души.

Тонкий запах просочился сквозь одежду Цинь Бучжоу, вонзился прямо в его плоть и начал терзать каждый нерв. Тело с невероятной скоростью охватил жгучий жар, и среди этого нестерпимого пекла упоительное благоухание осталось единственным источником прохлады, на мгновение затуманившим его рассудок.

Се Хэн ранен? Осознав собственную физиологическую реакцию, Цинь Бучжоу яростно нахмурился, капли пот покатались по его щекам от самых уголков глаз. Пока рассудок еще не покинул его до конца, он изо всех сил попытался подавить поднимающуюся волну желания и шатаясь побрел в спальню. Из-за заданий он уже давным-давно не получал разрядки, а теперь возбуждение, разожженное Средой двойной крови, нахлынуло лавиной; казалось, он теряет контроль над собой.

В обычное время Цинь Бучжоу смог бы без единого звука вытерпеть даже самое мощное возбуждающее средство, но чары лис и цветочных духов многократно усилили

чувствительность его тела и обострили жажду.

Да чтоб тебя разорвало, Врожденная Кровь Дао! И катись к чертям собачьим эта лисья нечисть!

Как же голодно, голодно, голодно, голодно, голодно, голодно, голодно, голодно, голодно, голодно, голодно, голодно!

Как же мучительно, да? Кровь... Его кровь принесет тебе облегчение...

Отыщи его... Выпей его кровь до капли...Проклятье, что это у него за мысли такие, чем это вообще отличается от каких-нибудь зомби или вампиров?! Смутное подобие рассудка в затуманенной голове Цинь Бучжоу немного прояснилось, и он протянул руку, чтобы ухватиться за дверную ручку.

— Цинь Бучжоу? — Се Хэн протянул руку и включил свет в коридоре второго этажа.

После чего потерявший всякий рассудок мужчина яростно сбил его с ног, прижал обеими руками к полу, придавив телом к ковру, и принялся жадно, безумно кусать.

Цинь Бучжоу обладал Врожденной Кровью Дао, Се Хэн — Кровью Духовного Медиума, а Юй Цзыжоу — Кровью Трех Инь Демона (нечистой).

Люди с особым типом крови от природы притягивают друг друга.

Когда в воздухе одновременно рассеиваются два вида крови, возникает ужасная химическая реакция... рождается сильнейшая жажда чужой крови (когда эта жажда становится слишком сильной, она сопровождается состоянием точки ×), поэтому при виде друг друга возникает желание загрызть соперника до смерти.

Это было даже не покусывание, а неистовое, звериное терзание. Свеже наложенная повязка съехала набок, едва успевшие затянуться раны снова разошлись, и в воздухе поплыл густой, тяжелый запах крови.

Любому было бы больно, если бы с ним так обращались. Се Хэн тяжело нахмурился, рефлекторно желая врезать кулаком по лицу мужчины, но в последний момент вспомнил, кто перед ним, и замер. Спустя мгновение он опустил руку, положил ее мужчине на затылок, зарылся пальцами в растрепанные черные волосы, слегка потянул на себя и легко вздохнул.

— Цинь Бучжоу, ты что, рехнулся?

Его голос по-прежнему звучал холодно и низко, но в обращении к Цинь Бучжоу неизменно недоставало привычной властности.

У Се Хэна не было духовной силы, острота его пяти чувств оставалась на уровне обычного человека, а из-за хрупкости, обусловленной конституцией духовного медиума, он даже не был особо восприимчив к внешним запахам. Он не чувствовал этого сводящего с ума аромата, а потому мог сохранять рассудок и рядом с Юй Цзыжоу, и рядом с Цинь Бучжоу.

Однако инициатива никогда не принадлежала ему.

Он мог бы оттолкнуть кого угодно, но, точно зная, что перед ним Цинь Бучжоу, он не мог оттолкнуть его, как бы ни было больно.

Цинь Бучжоу оставил его слова без внимания. Разорвав рану Се Хэна, он ненадолго замер, а затем принялся водить языком и прикусывать кожу вокруг повреждения, припав мягкими губами к сочащейся крови. На мгновение Се Хэн вспомнил вампиров из западных сказок или же зомби из древних китайских преданиях, питавшихся человеческой плотью, а сам он ощущал себя тем, кто скармливает демону собственное тело.

Тем временем сладкая кровь уняла запредельное безумное вожделение, терзавшее Цинь Бучжоу, и он без труда подавил попытки прижатого к полу юноши вырваться. В его золотистых глазах плескался влажный блеск: одна волна страсти еще не схлынула, как на смену ей накатывала новая. Их тела плотно прижались друг к другу, и он отчетливо чувствовал, как его иссякающая духовная сила мало-помалу крепится. Ощущение было такое, будто всё его тело погрузили в целебный Пруд Лазурного Нефрита — столь теплое, уютное и полное сил, что едва прояснившийся рассудок вновь полетел к чертям.

Он будто разделился надвое: одна его половина безумствовала, а вторая отрешенно за всем наблюдала со стороны.

Лицо Се Хэна бледнело все сильнее, но даже так он не пытался причинить вред тому, кто навалился на него сверху. Его рука бессильно скользнула вниз по шее Цинь Бучжоу и опала, а красная веревочка на запястье ярко алела, подобно кровавому следу.

— Лин... — привязанный к веревочке колокольчик звякнул, издав чистый звук.

Для Се Хэна этот звон прозвучал звонко и крошечно, но в глубинах сознания Цинь Бучжоу он отозвался раскатом гигантского колокола. Провал между разумом и телом на миг затянулся, движения Цинь Бучжоу замерли, и он рухнул лицом на Се Хэна.

— Ты блять... идиот что ли, вали отсюда или выруби меня, — Цинь Бучжоу уткнулся лицом в изгиб шеи Се Хэна и тяжело задышал, а его пересохшее горло издавало хриплый скрежет.

Он слишком сильно зависел от особенностей этого тела: если бы не своевременный звон Четырех Бронзовых Колоколов, Цинь Бучжоу был уверен, что запросто сжевал бы Се Хэна. Сейчас каждый его выдох был обжигающе-горячим, и то, что он все еще держался и не набрасывался на него снова, стоило ему абсолютно всех сил.

Потеря контроля была смертельна для такого человека, как Цинь Бучжоу. Он верил, что со своим собственным телом он бы не издал ни звука, даже если бы сгорал заживо. Ощущение беспомощности перед собственным телом было омерзительным, и даже козни какого-то сопляка не вызывали у него такого унижения.

— Система, мне нужны объяснения.

[Дзинь! Система обновляется.]

...Жестоко с твоей стороны.

Се Хэн прекрасно понимал, что состояние Цинь Бучжоу ненормально, но как он мог бросить его в такой момент? От температуры тела Цинь Бучжоу кожа Се Хэна горела даже сквозь одежду, и он боялся, что стоить ему только отпустить мужчину, как тот самопроизвоспламенится.

Лишь в те мгновения, когда Цинь Бучжоу пил его кровь, его лицо выглядело гораздо лучше, а жар заметно спадал.

Если это могло облегчить его муки, то какая разница, сколько крови он отдаст. Искоса взглянув на Цинь Бучжоу, который уткнулся носом ему в шею, Се Хэн только сейчас заметил, что тот кусает его за тыльную сторону ладони, и струйки алой крови стекали по подбородку Цинь Бучжоу. Он нахмурился, с трудом закинул руку за шею Цинь Бучжоу и снова притянул их тела вплотную друг к другу. После того как они только что покатались по ковру, одежда Се Хэна превратилась в лохмотья, да и Цинь Бучжоу выглядел не лучше — оба они были практически обнажены.

Когда согнутое колено уперлось в пах мужчины, задев то самое место, которое уже стояло колом, Се Хэн слегка замер.

Цинь Бучжоу резко распахнул глаза, его яркие золотые зрачки ярко светились в полумраке, а капли пота скатывались по жесткому и изящному изгибу подбородка прямо на грудь.

Его брови легко сошлись на переносице, и он негромко произнес:

— Я давал тебе шанс.

Пока Се Хэн, кажется, только осознавал происходящее и пытался отпрянуть назад, Цинь Бучжоу без труда подавил сопротивление юноши, крепко сжав его за талию.

Се Хэн тихо выдохнул:

— Цинь Бучжоу, ты...

Его слова оборвались — Цинь Бучжоу нетерпеливо зажал ему рот пальцем. На руке Цинь Бучжоу еще оставалась кровь от укуса, которую он нанес сам; из-за выплеска духовной силы, которую не удавалось сдержать, рана заживала на глазах, но от нее все еще исходил сладковатый аромат чистой крови.

Врожденная Кровь Дао — лучшее возбуждающее средство для Тела Духовного Медиума.

Бедра резко подались вниз.

Обжигающая лава и холодный нефрит слились в едином температурном ритме. Бурный, неистовый и хаотичный жар, метавшийся внутри тела, наконец нашел выход.

Зрачки Се Хэна сузились, сбивчивое дыхание участилось. Он смотрел в лицо Цинь Бучжоу, его губы шевелились, но не могли издать ни звука, а невольные слезы скатывались по щекам.

— Не плачь, — произнес Цинь Бучжоу, склоняясь и целуя его персиковые глаза, затуманенные влагой.

Цинь Бучжоу сидел на краю террасы частной больницы Нань в Хайчэне и предавался задумчивости.

Стоило только выписаться из больницы, как он тут же умудрился затащить человека обратно в постель. Великий учитель Цинь чувствовал, что его сердце невыносимо устало. Одному Богу известно, какую психологическую травму он испытал, когда очнулся, обнаружил свои руки в крови и увидел угасающего Се Хэна под собой. К тому же вчерашние события никак не

удавалось забыть: каждый деталь запечатлелась в памяти с пугающей четкостью.

Бу то бы туман, застилавший глаза этого человека, его сдавленные тихие стоны, гибкая и тонкая талия...

Или руки, обвивающие его спину...

Черт возьми, хватит, перестань об этом думать! Цинь Бучжоу отвесил себе звонкую пощечину, пытаясь привести себя в чувство.

Мимо на инвалидной кресле проезжал Цзян Байчуань. Проехав половину пути, он вернулся назад и с удивлением посмотрел на Цинь Бучжоу:

— Господин Цинь?

Поправив очки, он бросил взгляд в сторону палаты Се Хэна:

— А молодой господин Се?

Разве он не выписался позавчера?

Цинь Бучжоу лениво покосился на него и ничего не ответил.

Увидев такое выражение его лица, Цзян Байчуань сразу догадался, что у того, скорее всего, снова случился резкий приступ или ухудшилось состояние, а потому предпочел сменить тему. Поразмыслив немного, он произмолвил:

— Кстати, передайте молодому господину Се: та женщина очнулась, ранила нескольких моих подчиненных и сбежала. Сейчас за ней организованы поиски.

Только тогда Цинь Бучжоу посмотрел на него:

— Женщина?

Цзян Байчуань вспомнил о чувствах Се Хэна к Цинь Бучжоу и, опасаясь лишних подозрений и недопонимания, с мягкой улыбкой на лице пояснил:

— В день, когда господин Цинь ушел, в палату к молодому господину Се пожаловала женщина с намерением совершить покушение. Поскольку я как раз зашел по делу к молодому господину Се, он сначала велел задержать ее у меня.

Та женщина, судя по всему, является помощницей молодого господина Се, ее зовут Юй Цзыжоу.

Цинь Бучжоу замер на мгновение.

— Юй Цзыжоу?

Обычному человеку противостоять ёкаям — задача невероятно сложная, даже если противник чистокровный, не говоря уж о полукровках. Если так рассуждать, то нет ничего удивительного в том, что Се Хэн пострадал.

Кстати говоря, он помнил, что в оригинальном романе упоминалось: у Юй Цзыжоу течет половина Крови Трех Инь Демона. Именно поэтому Цинь Бучжоу подозревал, что главный

злодей подослал Юй Цзыжоу к Се Хэну с единственной целью — заставить ее забеременеть от Се Хэна и похитить Кровь Духовного Медиума.

После ухода Цзян Байчуаня в голове Цинь Бучжоу раздался знакомый электронный голос системы:

[Хозяин, поучитесь у людей, поучитесь тому, что такое манеры, что такое утонченность.]

Цинь Бучжоу хмыкнул:

— Ого, а ты еще смеешь объявляться.

[Цинь! Вспомогательная система успешно обновлена, теперь вам доступно больше прав и расширенный функционал! Вспомогательная система уровня LV1 к вашим услугам, чмок-чмок!]

Цинь Бучжоу прищурился:

— Не прикидывайся дурачком, объясняйся.

Электронный голос на секунду замолк, после чего зазвучал вновь:

[Духовной силы хозяина было недостаточно, и во время слияния с первоначальным телом он подвергся чрезмерному влиянию. Поэтому даже обладая сильнейшей силой воли, невозможно противостоять Среде двойной крови. В конце концов, это самый ключевой элемент сюжета в мире этого романа.]

— Духовной силы?

[После прохождения каждого двух миров полагается прибавка к духовной силе... На этот раз произошел сбой, и мы изначально не учли, что уже во втором мире духовная сила прежнего тела может превысить показатели хозяина. По окончании этого мира будет выплачена дополнительная компенсация духовной силой.]

Цинь Бучжоу холодно усмехнулся:

— Компенсация? После драки кулаками не машут, от нее никакого толка.

Впрочем, это объяснение он все же принял. Или, если точнее, он просто ждал разумного оправдания.

Цинь Бучжоу провел рукой по волосам и растянулся на диване, всем своим ленивым видом напоминая большую кошачью, грациозную и валяжную:

— И как мне теперь расхлебывать то, что я переспал с главным героем?

Лишь бы задание было выполнено, а спать можешь хоть с дедушкой главного героя, мысленно хмыкнула система. Разумеется, он не мог сказать это вслух:

— [Дзинь! Дружеское напоминание: главное задание выполнено. Хозяин может покинуть второй цикл. Желаете продолжить выполнение побочных заданий?]

— ...Главное задание выполнено? Когда?

Поразмыслив, он пришел к выводу, что всё дело, скорее всего, в его постоянных вмешательствах в планы главного злодея: благодаря им главная героиня совершила покушение на главного героя раньше времени, что полностью исключило вероятность того, что они будут вместе.

Так... стоит ли уходить?

Первой мыслью Цинь Бучжоу было уйти. Он действительно не представлял, как разбираться со всей той чертовщиной, что произошла между ним и Се Хэном.

Но словно под действием неведомой силы в его памяти всплыли эти глаза в форме персиковых цветков — изящные, соблазнительные, но с холодной поволокой. И он вдруг произнес:

— Я остаюсь и продолжу выполнять задания.

Фан Юань с портфелем в руках вышел из палаты, прикрыв за собой дверь, и кивнул Цинь Бучжоу:

— Господин Цинь, босс просит вас войти.

— Спасибо за помощь.

Когда Цинь Бучжоу толкнул дверь и вошел, молодой человек на больничной койке полулежал, опираясь на подушку. Его изящное предплечье покоилось на мягком валике — ему поставили капельницу. Кожа юноши была бледной, отчего синяки на запястьях казались особенно режущими глаз.

При появлении Цинь Бучжоу он слегка опустил взгляд на пятнистые тени на полу, его ресницы дрогнули, но головы он так и не поднял.

Цинь Бучжоу и сам не знал, что сказать. Подойдя к кровати, он по привычке протянул руку, чтобы проверить температуру его лба. Жар был довольно сильным. Цинь Бучжоу уже собрался пожурить его, как почувствовал, что дыхание Се Хэна участилось, и тот слегка уклонился, уводя лоб от его ладони.

Ну да, разумеется. Цинь Бучжоу ненадолго замер и с некоторой неловкостью убрал руку. Хотя мужчины и не относятся к целомудрию так, как женщины, рассчитывать на то, что Се Хэн так быстро вернется к прежней манере общения, было бы глупо.

Цинь Бучжоу показалось, что он совсем одурел от долгого воздержания.

Он мог твердо сказать, что не испытывал к Се Хэну чувств, выходящих за рамки дружбы. Именно поэтому он и считал, что у него переклинило мозги, раз он решил остаться.

Он признавал, что Се Хэн был для него кем-то особенным. Возможно, потому что тот был так похож на Мо Цзиньяня, а возможно — потому что обнимать его было невероятно приятно. Но, по крайней мере, это чувство еще не переросло в симпатию.

Цинь Бучжоу посмотрел на Се Хэна, сглотнул и сдавленно произнес:

— Ты...

— Это просто случайность, не нужно придавать этому слишком много значения.

Цинь Бучжоу нахмурился:

— Что ты сказал?

Он уже приготовился объяснить причину произошедшего и раскрыть свою истинную личность, но Се Хэн просто-напросто перешагнул через это.

Се Хэн поднял глаза и посмотрел на него спокойным, умиротворенным взглядом. Он притворялся дурачком настолько очевидно, что только надписи на лбу не хватало: «Не волнуйся, я ничего не знаю и ничего не произошло».

Цинь Бучжоу изначально хотел поговорить по душам, но вид того, как Се Хэн корчит из себя героя, готового всё взять на себя, чтобы не затруднять его, вызвал у него лишь раздражение. Эта манера поведения была словно под копирку списана с Мо Цзиньяня из первого мира.

С тем человеком он прожил бок о бок три с половиной года, наблюдая, как юноша превращается в мужчину, и за три с половиной года так и не смог разгадать его помыслы. В этом же мире Цинь Бучжоу рос вместе с Се Хэном, присутствие того пронизывало практически всю его жизнь, но он всё равно не мог понять его мыслей.

— Ты, блин, притворяешься идиотом уже больше двадцати лет, и собираешься продолжать в том же духе?!

— Уходи, — нахмурился Се Хэн. Он чувствовал, что сейчас с Цинь Бучжоу просто невозможно нормально поговорить, им обоим нужно остыть.

Он действительно притворялся. Се Хэн понимал, что статус Цинь Бучжоу наверняка необычен и, возможно, связан с государственным уровнем и сверхъестественными способностями. Чем меньше людей знает о подобном, тем лучше, а разглашение такой тайны наверняка влечет за

собой высокую цену.

— Ты... Задолбал ты меня!

Цинь Бучжоу подскочил так резко, что с грохотом опрокинул стул. Проходившая мимо медсестра, разносившая еду, только собиралась постучать, как от неожиданности вздрогнула, и её тележка врезалась в дверное полотно.

Цинь Бучжоу не умел говорить красивые речи, привык действовать напролом. Приходя сюда, он испытывал редкое для себя волнение, но после пары фраз никакого толку не вышло, а атмосфера лишь стала натянутой, что страшно его досадовало.

Раздосадованный и сбитый с толку, Цинь Бучжоу ногой распахнул дверь и выскочил наружу, даже не взглянув на застывшую у входа медсестру.

Се Хэн попросил её оставить контейнеры с едой на столе в прихожей и погрузился в созерцание вида за окном. Его растерянный взгляд выглядел всё более отрешенным и одиноким. Спустя долгое время он уткнулся лицом в согнутые локти и глубоко нахмурился.

Что ему оставалось сказать? Что он был согласен на всё по своей воле и не винит его? Или: «Извини, на самом деле я уже давно хотел переспать с тобой»?

Он не хотел обманывать Цинь Бучжоу, но стоит произнести правду — и их дружбе придет конец в ту же секунду.

Се Хэн всё так же сидел в палате, погруженный в свои мысли, когда спустя некоторое время вернулся Цинь Бучжоу, неся с собой волну холодного воздуха и контейнер с едой.

Се Хэн поднял голову, слегка удивившись: он был уверен, что тот больше не вернется.

— Это... Извини за то, что произошло.

<http://bllate.org/book/21627/2231389>